

КЪÆЛÆТДЖЫН: ИЗ ПРЕДМЕТНО-БЫТОВОЙ ЛЕКСИКИ ОСЕТИНСКОГО ЯЗЫКА

Ф. О. АБАЕВА

Статья посвящается рассмотрению ключевой реалии *къæлæтджын* — резное деревянное кресло (старшего) — одного из предметов убранства традиционного осетинского жилища (*хæдзар’а*), имеющего социально-статусное значение. *Къæлæтджын* маркировал роль старшего по возрасту мужчины по отношению к остальным членам большой патриархальной семьи, состоявшей из нескольких поколений. Автором исследуются в этнолингвистическом аспекте и слово, и понятие с ним соотносимое. Практика показала, что такой метод дает возможность описать и проанализировать исследуемый материал более глубоко, выявить ключевые моменты семантики слова, функции и значения реалии в жизни осетин. Лексико-семантический анализ этнографизма, относящегося к домашнему убранству, позволит реконструировать традиционную картину мира, основные этнокультурные особенности материального мира осетин. Выбор и значимость для комплексного исследования этнографического объекта *къæлæтджын* обоснован фактом постепенного его исчезновения из жизни и словаря осетин в связи с неактуальностью самого предмета быта. В задачу входит также установление глубинной прасемантики реалии; мотивы сохранения самого слова, его значения и функций как в материальной, так и духовной жизни этноса. Слово *къæлæтджын* принадлежит к разряду этнографической лексики осетинского языка, поскольку называет понятие, которое является характерным именно для определенного народа, в данном случае для осетин. Этнографизмы относятся к наиболее древнему и устойчивому пласту словарного состава языка и играют значительную роль, входя в так называемый основной словарный фонд, несмотря на то, что некоторые лексемы со временем переходят в разряд устаревшей лексики и составляют группы архаизмов и историзмов современного языка.

Ключевые слова: осетинский язык, лексика, семантика, отраслевая лексика, бытовая лексика, домашняя утварь, *къæлæтджын*, резное деревянное кресло.

The article is devoted to the consideration of the term kʷælætdzhyn, «the carved wooden chair (of the elder)», the key reality among the furniture objects in the traditional Ossetic dwelling (khædzar) having special social and status significance. Kʷælætdzhyn emphasized marked role of the eldest family male member in relation to the rest of several generations of the large patriarchal family. The author studies both the word and the correlated concept in the ethnolinguistic aspect. Practice has shown that this method makes it possible to describe and more deeply analyze the material under study, to identify the key points of the semantics of the word, functions and values of the realities of life of the Ossetians. Lexical and semantic analysis of ethnographism related to house furniture allows to reconstruct the traditional representation of the world, the main ethnic and cultural characteristics of the Ossetic material world. The choice and significance for the complex study of the ethnographic object kʷælætdzhyn is justified by the fact of its gradual disappearance from life and the Ossetian vocabulary in connection with the irrelevance of the very object for everyday life. The task also includes the establishment of deep prasemantic realities; motives for preserving the word itself, its meaning and functions both in the material and spiritual life of the ethnos. The word kʷælætdzhyn belongs to the category of ethnographic vocabulary of the Ossetian language, since it names the concept, which is characteristic for the definite people, for the Ossetians in particular. Ethnographisms belong to the most ancient and stable layer of the vocabulary of the language and play significant role in the so-called basic vocabulary, despite the fact that some lexemes eventually become outdated and constitute groups of archaisms and historisms of the present-day language.

Keywords: the Ossetian language, lexis, semantics, industrial lexis, household lexicon, housewares, k'ælætdzhyn, carved wooden chair.

Известно, что слово *к'æлæтджын* обозначает резное кресло, которым было дозволено пользоваться исключительно старейшему члену семьи, остальные же не имели права даже касаться этого предмета убранства осетинского традиционного жилища.

Поскольку представления человека об окружающем мире формируют глубинную основу системы его ценностей, отношение осетин к быту отразилось в чрезвычайно богатом и детализованном словаре, характеризующемся множественностью наименований одних и тех же реалий, различающихся способами семантического и словообразовательного маркирования. Актуальность исследования обусловлена необходимостью дальнейшей разработки вопросов лексикографии и лингвокраеведения в плане теорий современной языковой культуры, изучения динамических процессов осетинского языка.

Слова, описывающие особенности материальной стороны жизни народа, такие, как названия предметов домашнего быта, наряду с лексикой духовной культуры, относятся к этнографической лексике и требуют особого внимания исследователя.

Этнографическая лексика осетинского языка представляет собой богатый и структурно организованный слой, являющийся неотъемлемой частью осетинской общеупотребительной лексики, что «дает возможность квалифицировать его и как терминологический, и как профессиональный» [1, 63].

В семантике слова *к'æлæтджын* наблюдается тесная связь его лексического значения с конкретным свойством исследуемой реалии (изогнутый в форме полукруга). В свою очередь, *к'æлæтджын* является ремесленным

термином и входит в состав лексико-семантической группы «*деревообрабатывающая лексика осетинского языка*».

Грамматически исследуемое слово характеризуется как субстантивированное прилагательное *к'æлæтджын* 'кресло' и функционирует в языке как омоним своего исконного слова (прил.) *к'æлæтджын* 'дугобразный'.

При изучении этнографического материала было выявлено, что *к'æлæтджын* — это дугобразный стул (кресло-диван), который мог быть изготовлен из дерева, кости, камня. «Производили их редко и неспешно лучшие резчики семьи или рода, вкладывая в изделие всю меру своего таланта. Кресла как художественные произведения часто выставлялись в экспозициях на выставках в Москве, Петербурге, Тифлисе» [2].

В. И. Абаев в словарной статье о слове *к'æлæт* указывает все его значения: *дуга, дугобразный; изогнутая в дугу палка, надеваемая на шею коровы, быка для привязывания*, в качестве примера приводит *к'æлæтджын (бандон)* — кресло с изогнутой спинкой — [3, 624] и связывает происхождение слова с *к'æлæти* — *корзинка, клетка (птичья)*, где указывает, что оно идет из груз. *k'alata* 'корзинка'. Последнее — из гр. через арм. *k'alat* 'корзина'. Происхождение греческого слова не ясно. Возможна отдаленная связь *k'alati* с *k'ælæt* — дугобразно изогнутая палка [3, 617]. Исходя из данной этимологии, делаем также предположение о существовании плетеного варианта подобного кресла старшего < *к'æлæти* 'плетеная корзина'.

Термин *к'æлæтджын* образован семантическим переносом, в частности с помощью метонимической деривации, где основное лексическое зна-

чение мотивирующего слова *къæлæт* 'дуга' и отыменного суффикса *-джын*, указывающего «на содержание чего-либо или обладание чем-либо» [4, 116], производит дериват — *къæлæтджын*, букв. 'дугообразный'. Таким образом, произошёл перенос обозначения формы спинки кресла на весь предмет, вместо словосочетания *къæлæтджын бандон* слово *къæлæтджын* стало употребляться самостоятельно в значении «кресло».

Осетинская этнографическая энциклопедия даёт следующие сведения о предмете исследования: «Къæлæтджын/сирекъела б. 'с дугою' — деревянное кресло с полукруглой спинкой, размещалось в глубине жилого помещения за очагом на мужской половине. Исключительное право сидеть на нём имел старейшина, хозяин дома. Къæлæтджын — типичный образец традиционной осетинской мебели, не имеющий близких аналогий у других народов Кавказа. Къæлæтджын имеет три (очень редко четыре) невысокие ножки, дугообразную спинку, покрытую, как правило, резным орнаментом. Обязательный богатый орнаментальный декор къæлæтджын'а не только делает его произведением искусства, но и превращает в социально престижный объект, своеобразный трон, свидетельствующий о высочайшем статусе главы семейства» [5, 315].

Сведения об отсутствии данного предмета убранства традиционного осетинского жилища у соседних народов опровергаются другими исследователями.

В частности похожий, а порой и идентичный предмет домашнего убранства, возможно, различающийся лишь орнаментом резьбы, имелся у сванов и балкарцев. У сванов такое кресло называлось *сакурицхил*, *чика-савардзели*

[6, 22], а у балкарцев — *шинтик* (*шиндик*) [7, 86]. Б. А. Калоев пишет: «...наряду с кладовой в кухне строили также яму (уру) для хранения зерна. Наконец, здесь же в центре или у стены при выходе располагался очаг с очажной цепью, который, по данным многих наших информаторов, делил это помещение на две половины: на мужскую (правую) и женскую (левую); около очага на мужской половине находилось красиво орнаментированное кресло (*шынтык*) для старика — главы семьи» [8, 109].

О распространении данного предмета мебели у грузин читаем у В. С. Уарзиати: «В Грузии оно известно в западных районах как «*сак'урицхвил*», а в восточных — «*чика*». Только убеленный сединой глава большой семьи, умудренный жизненным опытом старик (*хистæр*, *мамак'аци*) мог пользоваться исключительным правом сидеть на нём, Вероятно, поэтому оно и стояло в доме недалеко от очага. Для других членов семьи его как бы и не существовало, а домочадцы и не могли позволить себе даже присесть на это резное кресло. Известные образцы позволяют говорить о том, что у горцев Грузии эти почётные кресла для старших по форме делятся на две группы. Первая из них характерна для восточных районов и представляет собой полукруглое в плане сиденье на трех ножках с невысокой полукруглой же спинкой, богато орнаментированное сквозной и выемчатой резьбой. Подобная форма, и ее многочисленные разновидности широко известны по всей горной Осетии. Даже само осетинское название «къæлæтджын» подчеркивает его полукруглую форму. Вторая группа чаще встречается в Сванетии. Это, как правило, квадратные в плане кресла, имеющие вместо трех отдельных ножек подобие соединенных рам. Эта деталь, наряду со всей конструкцией формы,

придает ему значительную мощность и монументальность. И если вышеуказанная форма отличается определенной элегантностью, легкостью, то данная больше напоминает своей незабываемостью трон и очень точно передает характер власти старшего» [9, 152].

Наличие схожих или даже идентичных предметов материальной культуры у различных народов не всегда означает, что между ними существовал контакт и культурные связи. Однако «бывают случаи такой яркой, как бы обособленной близости в отдельных объектах материальной культуры, в их конструкции, форме, орнаменте, которые крайне трудно было бы объяснить независимым возникновением у каждого народа. Такие схождения заставляют думать об особо тесном культурном единстве» [10, 307]. Именно таким предметом домашнего быта являлось, на наш взгляд, деревянное, украшенное орнаментальной резьбой, кресло старшего.

В традиционном осетинском жилище существовал также другой предмет мебели, который мог использоваться отдельным человеком. Это — *сиахсы бандон* — скамейка для зятя [11]. По нашему мнению, наличие подобных предметов в материальной жизни осетин исходит из особенностей традиционных норм поведения народа.

Известны также и другие названия такого кресла: *хистæры бандон*, букв. стул старшего; *бандон* — скамейка; *хистæры дур* — камень (в виде стула) старшего; *уырындыхъ* — длинный стул со спинкой для сидения старших; *хицауы къæлæтджын* — кресло хозяина (дома); *фысымы къæлæтджын*, букв. кресло человека, принимающего гостя, хозяина, оказывающего гостеприимство; *фыдæлты къæлæтджын* — кресло предков.

Слово *къæлæтджын* довольно часто встречается в нартовских сказаниях, оно выступает предметом, маркирующим высокий статус нартов.

Из приведенных ниже примеров видно, что изготовлены такие кресла из редких материалов: *Æрхон къæлæтджын бандон*: нарт Ахсартаг попадает в гости к Донбеттырам, мать Донбеттыров Базых (Уазыхъ) сажает его в кресло Архон [12, 117]; *пылыстаг къæлæтджын бандон, сынтаг, басмахътаг*: герои нартских сказаний Урызмаг, Сослан, Кандз и другие сидят на сиденьях из слоновой кости, спят на кроватях из слоновой кости. Кандз, услышав громкий голос глашатая рано утром, будучи на ныхасе, тут же расстроенный и обозленный вернулся домой и со злостью кинулся в слоновое кресло: кресло сломалось под ним. Маргъуызд обулся в свои башмаки из слоновой кости, накинул на плечи свою беличью шубу [12, 363-364]. К сожалению, установить понятие *Æрхон* нам не удалось, но, из контекста становится ясным, что кресло Архон имело особое высокостатусное значение; слоновая кость же является особенно ценным материалом, очень сложным для резьбы.

Известно, что даже в тех осетинских ущельях, где деревообрабатывающее ремесло не было развито столь высоко, *къæлæтджын* все же был неотъемлемым предметом домашнего убранства осетинского традиционного жилища. Так, «гудские осетины, как кобинские, тросовские и другие осетины из безлесного высокогорья Северной Осетии, не отличаются наличием развитых промыслов по дерево-, металлообработке, обработке кости и пр. Утварь и предметы домашнего обихода здесь почти не делали. Круглый низкий деревянный столик на трех ножках фынг, круглое орнаментированное кресло *къæлæтджын*

бандон для главы семьи, длинную деревянную тахту даргъ бандон с резной спинкой, деревянные бочки, маслобойки, ведра, различные пивные бокалы и другую необходимую в быту утварь — тарелки, миски, ложки и пр., доставляли сюда югоосетинские мастера из сел. Згубир, из Урстуалта и Кударского ущелья [13, 20].

Исключительное право пользования къæлæтджын'ом принадлежало старейшему члену осетинской патриархальной семьи, но помимо кресла были и другие предметы, которые также были «мужскими»: «на мужской половине располагалось красивое осетинское орнаментированное кресло «хистæры бандон» (сидение для старшего) или «къæлæтджын бандон» (кресло для сидения). На нем мог сидеть только глава семьи — самый пожилой мужчина. Слева от кресла располагалась тахта «даргъбандон» с резной спинкой на всю стену, перед ней такой же длины стол на четырех ножках для приема пищи» [14, 26].

Подробное внешнее описание подобного осетинского кресла старшего дал в свое время Август фон Гакстаузен: «У очага всегда стоит деревянное кресло главы семейства: оно или на трех ногах, с круглою спинкою, украшенною прекрасною резьбою, или на четырех шестах, которые сверху соединяясь переплетом, образуют спинку и подпоры для рук. В одном доме я видел длинную, в пять футов, скамью вроде дивана, со спинкою, ручками и с резьбой» [15, 83-84].

В «Толковом словаре осетинского языка» предлагается два значения слова *къæлæтджын*: в первом — это прилагательное с семантикой «то, у чего есть дуга/полукруг» и во втором — существительное в значениях «полукруглое деревянное кресло с резьбой»; «кресло»

[16, 465]. Таким образом, данное слово могло обозначать как кресло из дерева и с резьбой и дугообразной спинкой (этнографизм), так и любое другое кресло как предмет современной мебели, где слово из архаической лексики осетинского языка перешло определенным способом в его современный словарный фонд и стало обозначать новую реалию.

Главной и, на наш взгляд, уникальной особенностью *къæлæтджын'а* являлся орнамент, который вырезался мастером главным образом на спинке кресла. Орнаменты *къæлæтджын'а* выполняли, помимо эстетической (украшение), информационную и магическую функции. В связи с тем, что в основном в Осетии была распространена резьба по дереву, большой интерес представляют памятники деревообрабатывающего промысла. Из поколения в поколение осетины передавали ритуальные пивные чаши с резным узором; богато украшались орнаментом центральный опорный столб (*ц æджындз*) в доме, вся деревянная мебель.

Степень значимости *къæлæтджын'а* в быту осетин нашла отражение во множестве пословиц и поговорок, с ним связанных. Приведем примеры:

Къæлæтджын — æввонгхорты амонд/Къалатджын — счастье бездельника (здесь и далее перевод наш. — Ф. А.).

Къæлæтджын — лæмбынагдæр/Къалатджын — тщательнее.

Къæлæтджын — магуыры рын/Къалатджын — боль бедного.

Къæлæтджын — тыхджындæр уæвын/Къалатджын — быть сильнее.

Къæлæтджын — фæндон æмæ хæстон/Къалатджын — воля и воин.

Къæлæтджын — цармы уæрдаехай бастау/Къалатджын — словно кожей веревкой стянут.

Къæлæтджын бæрзондæй — *тæссаг*/Высота къалатджына — устрашающая.

Къæлæтджын йæ хицауæй — *фидыцджындæр*/Къалатджын своего хозяина — красивей.

Къæлæтджын цас бæрзонддæр — *знагджындæр*/Къалатджын — чем выше, тем враждебнее.

Къæлæтджын цас бæрзонддæр — *ныллæгдæр*/Къалатджын — чем выше, тем унизительнее.

Къæлæтджын цас бæрзонддæр — *тæссагдæр*/Къалатджын — чем выше, тем устрашающе.

Къæлæтджын цас бæрзонддæр — *фæрнджындæр*/Къалатджын — чем выше, тем счастливее.

Къæлæтджынæн — *исбон, магуыраен* — *кад æмæ рад*/Къалатджыну — достаток, бедняку — уважение и почет.

Къæлæтджынæн — *фæтæг, фæтæгаен* — *адаем*/Къалатджыну — предводитель, предводителю — люди.

Къæлæтджыныл бадæг — *мулчы цагъар*/Сидящий на калатджыне — раб богатства.

Къæлæтджыныл бадæгаен — *уавæртæ*/Сидящему на къалатджыне — соответствующие условия [17, 251-252].

Из приведенных примеров паремий осетинского языка со словом *къæлæтджын* становится ясно, что этот предмет традиционного домашнего убранства имел двоякое значение. С одной стороны, *къæлæтджын* — объект, символизирующий почет, уважение, достаток, богатство, власть и беспрекословное подчинение. С другой, это определенные обязанности, высокий авторитет, чистота и справедливость в поступках, речах. Так, в мировоззрении народа, на основе которого и складывались подобные народные выражения в отношении *къæлæтджын*'а, он был в

большей степени своего рода ношей, которая не всегда оказывалась посильной для старшего большой патриархальной осетинской семьи.

Известно, что деревянные изделия у осетин были в широком распространении, но уникальными их делали именно орнаменты, которые изрезались ремесленниками. Р.Г. Дзаттиаты пишет: «Украшение надочажного столба являлось мерой почитания как очага, так и солнца. Недаром на опорных столбах и балках изображались солярные знаки в виде круга с лучами. Этот элемент орнамента, безусловно, сохранял свое значение, тогда как треугольники и их комбинации превратились в просто орнамент. Видимо, поэтому их наносят на края предмета в виде окантовки или же на всю поверхность. Это особенно отчетливо видно на деревянных креслах. Если украшение орнаментом надочажных столбов относится к области верований/огонь — явление небесного огня, часть Солнца, то орнаментировка кресел связана с патриархально-родовыми пережитками, с возвышением старшего в семье. Эти кресла были своего рода тронами, которые подчеркивали роль и власть старшего в семье. Орнаментальное оформление деревянных кресел — явление древнее, хотя наши материалы относятся к временам поздним» [18, 26].

На наш взгляд, помимо того, что элементы деревянной орнаментальной резьбы маркировали абсолютную власть старшего мужчины семьи, они также имели и апотропейные функции. Возможно, защищать они должны были не только самого старшего, но и весь его род.

Таким образом, этнографизм *къæлæтджын* в значении «резное деревянное кресло старшего семьи с дугообразной спинкой» перешел в разряд устаревшей лексики осетинского языка, но

в то же время данное слово стало применяться для обозначения кресла как уже современного предмета мебели. Этнографическая реалья *къæлæтджын* маркировала роль старшего по возрасту мужчины по отношению к остальным членам большой осетинской патриархальной семьи, часто состоявшей из двух и более поколений.

Исследование подобного материала имеет большое значение «в совре-

менной социокультурной ситуации, поскольку проблема сохранения национальной самоидентификации и культурного наследия народа стоит крайне остро, что и определяет актуальность подобного исследования [19, 77]. В связи с этим перспектива дальнейших исследований этнографической лексики осетинского языка в междисциплинарном аспекте является одной из приоритетных задач осетиноведов.

1. Бесолова Е.Б. Отражение системы мировоззренческих знаний осетин в языке и его когнитивной структуре // Известия СОИГСИ. 2014. Вып. 14(53). С. 63–72.

2. Хубулова Э.В. К проблеме возрождения народных промыслов осетин: художественная резьба по дереву // Современные проблемы науки и образования. 2015. № 2-1. URL: <http://www.science-education.ru/ru/article/view?id=21034>.

3. Абаев В.И. Историко-этимологический словарь осетинского языка. М.–Л., 1958. Т. I.

4. Абаев В.И. Грамматический очерк осетинского языка. Орджоникидзе, 1959.

5. Осетинская этнографическая энциклопедия. Владикавказ, 2013.

6. Волкова Н.Г., Джавахишвили Г.Н. Бытовая культура Грузии XIX–XX веков: традиции и инновации. М., 1982.

7. Калоев Б.А. Осетинские историко-этнографические этюды. М., 1999.

8. Калоев Б.А. Аланский субстрат в этногенезе балкарцев и карачаевцев по данным этнографии // Вестник Кабардино-Балкарского института гуманитарных исследований. 2015. № 2(25). С. 103–113.

9. Уарзиати В.С. Культура осетин: связи с народами Кавказа. Орджоникидзе, 1990.

10. Абаев В.И. Осетинский язык и фольклор. М.–Л., 1949.

11. Калоев Б.А. Осетины: историко-этнографическое исследование. М., 2004.

12. Цгоев Х.Ф. Словарь осетинской мифологии и уклада жизни. Владикавказ, 2015.

13. Калоев Б.А. Осетины Восточной Осетии и районов Грузии. Историко-этнографические очерки. Владикавказ, 2012.

14. Этнокультурные бренды Осетии. Справочное пособие / Сост. З.В. Канукова, Э.В. Хубулова, Л.А. Чибиров. Владикавказ, 2016.

15. Гакстаузен А. Закавказский край. Заметки о семейной и общественной

жизни и отношениях народов, обитающих между Черным и Каспийским морями. СПб., 1857. Ч. 2.

16. Толковый словарь осетинского языка: в 4 т. / Под общ. ред. Н.Я. Габараева. Т. 2. Б – Къ. М., 2010.

17. Коблов Ч.М. Хæзнадон æмбисæндтæ – сокровищница. Владикавказ, 2008. (на осет. яз.).

18. Дзаттиаты Р.Г. Орнаменты горной Осетии. Владикавказ, 1992.

19. Дзлиева Д.М., Абаева Ф.О. О социально-исторических изменениях осетинской свадебной обрядности // Вопросы литературы и фольклора: Сб. научных статей. Владикавказ, 2017. Вып. IX. С. 77–88.